

Научная статья

УДК 398.838

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2024-2/34-42>

Принципы создания мужского образа в необрядовых лирических песнях Дальнего Востока

Мария Сергеевна Киселева¹, Елизавета Сергеевна Яковлева²

^{1,2} Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

¹ Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы,
kiseleva.ms@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2846-570X>

² Бакалавр, yakovleva.es@students.dvfu.ru

Аннотация. В статье рассматривается репрезентация мужского образа в лирических текстах познетрадиционного дальневосточного фольклора, комплексно не изучавшихся в данном аспекте. Выделяются номинации персонажа и связанные с ним объекты, характеризуется их семантика в народной картине мира, анализируется соотносящийся с героем комплекс универсальных и локальных мотивов. Доказывается устойчивость элементов поэтики традиционной лирической песни, обнаруживается значение образа казака в качестве региональной особенности изучаемых текстов.

Ключевые слова: региональный фольклор, народные песни о любви, символы, мотивы, молодец, казак

Для цитирования: Киселева М.С., Яковлева Е.С. Принципы создания мужского образа в необрядовых лирических песнях Дальнего Востока // Дальневосточный филологический журнал. 2024. Т. 2, № 2. С. 34–42.

Original article

The Principles of Creating a Male Image in Non-ritual Lyrical Songs of the Far East

Maria S. Kiseleva¹, Elizaveta S. Yakovleva²

^{1,2} Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

¹ Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of the Russian Language and Literature, kiseleva.ms@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2846-570X>

² Bachelor, yakovleva.es@students.dvfu.ru

Abstract. The article examines the representation of the male image in the lyrical texts of late-traditional Far Eastern folklore, which have not yet been studied comprehensively in this aspect. The nominations of the character and related objects are highlighted, their semantics in the national picture of the world is characterized, and the complex of universal and local motives correlating with the hero is analyzed. The stability of the elements of the traditional lyrical song poetics

is proved, and an assumption is made about the image of the Cossack as a regional feature of the studied works.

Key words: regional folklore, folk love songs, symbols, motives, good fellow, cossack

For citation: Kiseleva M.S., Yakovleva E.S. The Principles of Creating a Male Image in Non-ritual Lyrical Songs of the Far East. *Far Eastern Philological Journal*, 2024, vol. 2, no. 2, pp. 34–42. (In Russ.).

Исследования дальневосточного фольклора ещё не охватили весь собранный в экспедициях материал, в том числе неизученными остаются необрядовые лирические песни. Большая часть научных трудов, посвящённых дальневосточному фольклору, представляет собой этнографические, искусствоведческие и культурологические исследования [8, 10, 19, 22 и др.]. На сегодняшний день всё ещё недостаточно работ, освещающих записанные тексты с литературоведческой стороны, хотя значимость подобного анализа несомненна. Заметим, что В.Я. Пропп свою теорию о единой композиции всех сюжетов сказок сначала представил на суд крупного литературоведа [18, с. 7], и современные исследователи И.В. Королькова, Т.В. Краюшкина, Л.Е. Фетисова, Т.В. Дайнеко и Н.В. Леонова, И.В. Семенова, А.А. Зборовская учитывают результаты литературоведческого анализа при исследовании фольклорного материала [14; 15; 22; 10; 19; 12]. Наша работа, посвящённая поэтике традиционного фольклора позднего бытования, записанного в Приморском крае в XX веке, обладает актуальностью и новизной, поскольку обращается к недостаточно изученным текстам в литературоведческом аспекте.

Источником материала стал сборник «Фольклор Дальнеречья», в который вошли произведения, собранные в 30–60-х годах XX века Е.Н. Сыстеровой и Е.А. Ляховой [23]. Среди них 19 лирических песен о любви, где центральными являются мужской и женский образы. Может показаться, что эти герои почти не имеют характеристики: традиционно отсутствует портрет, нет развёрнутых описаний действий и подробной картины переживаний [18, с. 151]. Однако тексты очень выразительны и эмоционально насыщенные; по свидетельству информантов, их герои вызывали живой отклик, песни активно исполнялись и играли важную роль в жизни людей [23, с. 16]. Женский образ уже был рассмотрен нами [24], в этой работе *мы ставим цель* выделить и проанализировать принципы создания мужского образа, определить, насколько они новы или типичны.

Мужчина в 19 изученных текстах предстаёт либо как молодец (14 шт.), либо как казак (5 шт.). Использование слова «молодец» в целях обозначения героя традиционно для фольклора подчёркивает, что он активен и полон жизненных сил, показательны также обращения к нему: «соколе», «селезень», «цветочек».

В тексте № 384 герой называется соколом: «Вернись, мой соколе...». Эта птица у славян наделяется мужской символикой [4, с. 98], обозначает прекрасного воина (можно вспомнить, например, «Слово о полку Игореве»), а также жениха (частый образ свадебных песен [16]). В данном произведении обращение «сокол» характеризует героя как сильного и удалого, в расцвете лет, для него честь превыше всего: несмотря на чувства, он отвергает позорящую его девушку («Ганбуешь ты мною / Буде твоя коса руса / В мене под ногою»).

В тексте № 375 герой называется селезнем: «Чего, селезень, смутен, невесел...». У восточных славян селезень традиционно символизирует жениха [6, с. 383]. В рассмотренной

песне мужчина предстаёт женихом в расцвете жизненных сил, но обманутым другом и в результате одиноким и несчастливым: «*Ой, ты товарищ, не в дружбе живешь, за меня сватал, за себя берешь...*».

В этих двух произведениях (№ 384 и 375) возникает привлекательный образ героя (молодой, полный жизни, влюблённый), с ним связан мотив несостоявшейся свадьбы и неожиданного негативного изменения судьбы.

В тексте № 380 мужчина называется милым, цветком (традиционная для фольклора параллель человека и цветка [7, с. 477]): «*Где девался тот цветочек, что долину украшал*». Подчёркивается, что герой был для девушки источником радости и благополучия. Но счастье оказалось кратковременным и ложным: «*Обольстил милый словами*». В данном примере снова наблюдаем привлекательный мужской образ, связанный с мотивом несостоявшейся свадьбы и драматического поворота в судьбе. Однако здесь герой представлен отрицательно: его внешняя красота и манящая манера поведения сопровождаются душевной пустотой, эти мотивы, как правило, формируют женские образы.

В рассмотренных 14 текстах герою «молодцу» свойствен расцвет жизненных сил, его называют соколом, селезнем, цветком. Мужчина может отвергать недостойную девушку или сам выступать коварным искусителем, но всегда это герой, полный жизни: удалой, сильный, молодой, а его образ тесно связан с мотивами несостоявшейся свадьбы и неожиданного негативного поворота в жизни или сломанной судьбы. Персонаж песни переживает важный, переходный, момент жизни – его и/или героини. Обнаруженные наименования героя «молодца» обладают большой семантической значимостью в славянской культуре и являются символами, характеризующими образ и задающими общие для рассмотренных текстов мотивы. Данный приём и сами наименования традиционны для лирических песен.

В 5 из 19 текстов герой называется казаком, и это указание на социальный статус, по нашему мнению, не случайно. Казачество – феномен русской культуры, привлекающий внимание многих учёных [17]. Разнообразны казачий фольклор и литература, посвящённая казачеству, неоднородно казачество само по себе. Исследователи отмечают, что изначально казак – это воин, первопроходец [25 с. 124]. Ассоциативный ряд, связанный с данным образом, сложен и многогранен, персонаж может представать как положительным, так и отрицательным. С одной стороны, казак принадлежит своему миру, готов отдать жизнь за родину, а с другой – является не своим, опасным, так как постоянно передвигается по чужим территориям и отчасти связан с ними. С одной стороны, он свободен в передвижениях, а с другой – скован воинским долгом и не может долго оставаться на одном месте. Именование казаком – важная характеристика героя фольклорного произведения. Подобный приём мы наблюдаем, например, в традиционных былинах, где нередко казаком или старым казаком называется Илья Муромец, и учёные считают необходимым прокомментировать данный момент, видя в таком наименовании отражение исторических реалий, выражение отношения к богатырю [13, с. 179–186].

В рассмотренных нами песнях образы героя-казака и способы их создания достаточно разнообразны. Так, могут использоваться сравнения и упоминания определённых локусов, предметов. В тексте № 374 встречаем следующее: «*Казак стрелою в село родное поскакал...*». В восточнославянской традиции стрела символизирует мужское начало, стойкость, быстроту [5, с. 181]. Сравнение подчёркивает, что герой – воин, спешащий к любимой, обозначает силу его чувств. Также в песне упоминается кольцо – символ венчания и брака у славян. Оно является подарком девушки для казака, символизирует связь между мужчиной и женщиной и их несостоявшийся союз, ведь героиня не дожидается и выходит замуж за другого: «*И повернул*

казак налево, во чисто поле поскакал». Упоминание родной земли (села) и чистого поля, оппозиция своего и чужого пространств также неслучайны. В русском фольклоре чистое поле связано с идеей большого пространства, с масштабностью [20, с. 39], а также с воинской тематикой: именно там часто сражаются с врагами богатыри. И здесь присутствует реализация мотивов несостоявшейся свадьбы и несостоявшегося счастливого изменения судьбы: казак хотел оставить ратный труд, но семейное счастье оказывается для него невозможным, и он вновь возвращается в привычную стихию.

Отдельно необходимо остановиться на встречающемся в двух песнях упоминании спутника казака – коня, играющего важную роль при характеристике мужского образа. Конь для казака был гораздо больше, чем просто домашнее животное или символ статуса, он являлся главным участником военных событий, многих обрядовых действий, в том числе и различного рода состязаний. Конь был подлинным товарищем, от которого зависели успех и сама жизнь [9, с. 76]. В славянской традиции конь – одно из наиболее мифологизированных животных. Он символизировал связь с «тем светом», был атрибутом мифологических персонажей [1, с. 590]. В традиционных былинах описание коня – важная часть характеристики самого богатыря [9, с. 76; 21].

В тексте № 374 конь предстаёт первым товарищем казака, разделяющим не только военные успехи, но и душевные переживания. Он остаётся с героем, когда предаёт возлюбленная, тем самым подчёркивается принадлежность казака к ратной, а не домашней сфере. В тексте № 387 конь усиливает привлекательность казака: в момент встречи с девушкой тот находится на коне, и героиня это отмечает: *«Ой, да откуда ты взялся казак молоденький, ой, да на своему коню вороненьком...»*. Мы наблюдаем, как упоминание о коне соотносит мужской образ с воинской тематикой, подчёркивает его силу и удаль. В последнем примере отметим также использование эпитета «молоденький», соотносящегося с частотным именованием героя «молодец» и подчёркивающего полноту жизненных сил, самый расцвет [2, с. 283].

Однако казак не во всех рассмотренных нами песнях предстаёт молодым. В тексте № 385 встречаем следующую строчку: *«Казак старый, як собака, неженатый ходит»*. Его возлюбленная выходит замуж за другого, а герой навсегда остаётся один. Снова наблюдаем мотивы неудачной свадьбы и разрушенной судьбы. Указание на старость в традиционной культуре воспринимается как признак нахождения на грани двух миров: человеческого и потустороннего [3, с. 93], сравнение с собакой, воспринимаемой в славянской культуре амбивалентно [3, с. 94]. Эти сравнения подчёркивают неприкаянность персонажа, что соотносится с традиционным восприятием казака как не полностью своего, отчасти чуждого.

В изученных текстах именование героя казаком сопровождается более распространённым рядом выразительных средств (эпитет, сравнение, связанные с персонажем объекты, имеющие символическое значение), нежели именование молодцем. Однако создаваемый мужской образ во многом типичен для традиционной лирической песни: герой привлекателен, полон жизненных сил, но из-за расстроившейся свадьбы судьба его несчастна.

Все рассмотренные реализации мужского образа связаны с комплексом устойчивых мотивов. Последние мы определяем по методике Ю.В. Доманского, посредством вычленения опорных (ключевых) слов [11]. Мотивы мы делим на универсальные и локальные. Под универсальным понимаем мотив, встречающийся в большинстве песен (5–6 и больше), под локальным – мотив, встречающийся в 1 или, реже, в 2–3 песнях.

И.В. Королькова отмечает, что для лирических песен характерна свадебная тема [14, с. 47]. Соответственно, выделяемые нами в 5 песнях универсальные мотивы неудавшейся свадьбы («за меня сватал», «чи мене жениться», «на рушничок стане» и др.) и несложившейся в результате судьбы, страданий из-за этого («смутен, невесел», «гирко плачу», «не пьешь, не гуляешь» и пр.) – о них мы писали выше – являются традиционными. Только в 2 текстах обнаруживаем мотивы удачной свадьбы и счастливой судьбы, являющиеся локальными. В песне № 377 молодец хочет взять в жены сироту: «Да про ту дивчину, что без роду /А на той дивчине оженюся». В тексте № 387 казак встречает девушку, ответившую ему взаимностью, и вместе они «встают на рушничок».

В 5 текстах мы выделяем универсальный мотив предательства. В песне № 374 казака предаёт возлюбленная, вышедшая замуж за другого. В тексте № 375 главным предателем является товарищ молодца, он женится на его невесте. В оставшихся 3 песнях именно герой выступает в роли предателя, он либо бросает героиню («Прощай, милая, есть у меня жена молодая» (376), «Он уехал меня бросил» (380)), либо изменяет ей («До другой йдэш» (389)). Данный мотив отчётливо связан с мотивами страдания из-за несложившейся судьбы и неудавшейся / несчастливой свадьбы.

Кроме локальных мотивов удачной свадьбы и счастливой судьбы мы выделяем локальные мотивы встречи, свободы.

Мотив встречи героя с девицей возникает в 3 текстах: «Здравствуй раскрасавица» (381), «Проснувся казак – коня нема, красна девица косу чеше» (383), «Ой, да в той кринице девка воду брада» (387). Встреча всегда случайна и связана с мотивами судьбы и свадьбы. В первом случае (№ 381) мы не знаем, каким будет исход, и видим лишь само знакомство героя и героини. Во втором случае (№ 383) герой встречает девушку, которую, скорее всего, готовят на выданье, так как она прощается со своей косой: «Ой, коса ты моя, ты русая, ой, кому ж ты, коса, достанешься». В тексте № 387 эта встреча становится судьбоносной.

В тексте № 389 встречается мотив свободы. Брачный союз представлен для казака как то, что его сковывает, герой не может быть верен только жене, каждую ночь он отправляется к другой: «Ой, чои по правди, молодой козаچه, Со мной живэш? А як придэ взчир ще-й темна ночка до другой йдэш...». Данный мотив соотносится с универсальным мотивом несчастливой судьбы и неудачного брака.

Мы наблюдаем тесную связь выделенных универсальных мотивов с локальными, в целом все они характерны классическим лирическим песням и подчёркивают соотнесённость мужского образа с воинской и свадебной темами, с чужим пространством, характеризуют героя как привлекательного, полного жизненных сил, находящегося на перепутье судьбы, как своей, так и героини.

Проведённое исследование позволяет сделать вывод, что в поздних лирических песнях, записанных на Дальнем Востоке, сохраняются традиционные принципы создания мужского образа. Символы и мотивы, номинации, параллели и оппозиции, встречающиеся в текстах, типичны для классических фольклорных произведений и не претерпевают изменений. Данное наблюдение считаем важным, поскольку подобная сохранность наблюдается не всегда. Например, Т.В. Краюшкина отмечает: «если в классическом песенном фольклоре обнаруживается стабильная, неосложнённая модель представлений о воле, то в позднетрадиционном песенном фольклоре она трансформируется, наполняясь новыми смыслами, обретая неизвестные ранее способы реализации» [15 с. 17]. Вероятно, обнаруженная нами устойчивость

обусловлена неизменностью представлений о любви в народной картине мира. В качестве предположительной региональной особенности рассмотренных текстов отметим образ казака, представленного в 25% произведений и сопровождаемого бóльшим разнообразием выразительных средств, нежели образ молодца. Здесь вероятно влияние той важной роли, какую играли казаки при освоении Дальневосточного региона.

Список литературы

1. *Агапкина Т.А.* Конь // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. В 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. Т. 5. М., 2012. С. 590–594.
2. *Агапкина Т.А.* Молодой-старый // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. В 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. Т. 3. М., 2004. С. 282–284.
3. *Агапкина Т.А.* Собака // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. В 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. Т. 5. М., 2012. С. 93–95.
4. *Агапкина Т.А.* Сокол // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. В 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. Т. 5. М., 2012. С. 98.
5. *Агапкина Т.А.* Стрела // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. В 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. Т. 5. М., 2012. С. 181.
6. *Агапкина Т.А.* Утка // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. В 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. Т. 5. М., 2012. С. 382–383.
7. *Агапкина Т.А.* Цветы // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. В 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. Т. 5. М., 2012. С. 476–480.
8. *Багашев А.Н., Федоров Р.Ю.* Историко-этнографические аспекты жизни белорусских крестьян-переселенцев на Дальнем Востоке // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 2(25). С. 99–106. EDN: SDHARJ
9. *Бородина Е.М.* «Воинские» песни сибирских казаков: тематика, образы и мотивы // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 18. С. 73–79. EDN: OWZXPf
10. *Дайнеко Т.В., Леонова Н.В.* Белорусские календарные песни Сибири и Дальнего Востока: жанровый состав // Сибирский филологический журнал. 2019. № 2. С. 27–38. <https://doi.org/10.17223/18137083/67/3>
11. *Доманский Ю.В.* Русская рок-поэзия: проблемы и пути изучения // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 1999. № 2. С. 26–38. EDN: JWDFZ
12. *Зборовская А.А.* Отражение архаических представлений о весне в хороводных послепасхальных песнях Приморского края // Традиционная культура: творчество, поведение, ритуал: тез. докл. и сообщений Междунар. науч. конгр. «Фольклор народов России и стран СНГ» (Санкт-Петербург, 12–16 ноября 2020 г.) / ред.-сост. Е. И. Возжаева. СПб., 2020. С. 31.
13. *Козловский С.В.* Илья Муромец и его время: историография и перспективы изучения образа былинного героя // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2016. № 5. С. 177–189. EDN: WMFRXP
14. *Королькова И.В.* Лирические песни в традиционной культуре Северо-Запада России. М.: Гос. республиканский центр русского фольклора, 2010. 360 с.
15. *Краюшкина Т.В.* От воли и неволи к свободе: традиционные представления в русском песенном фольклоре Сибири и Дальнего Востока России // Россия и АТР. 2019. № 4(106). С. 22–41. <https://doi.org/10.24411/1026-8804-2019-10052>

16. Кургузова Н.В. Архаические оппозиции ритуального пространства русской свадьбы (на материале свадебной лирики). URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/kurguzova1.htm> (дата обращения: 13.02.2024).
17. Лаптева Е.В., Рожкова Л. К вопросу об истории российского казачества // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2011. № 4. С. 60–67. EDN: PKSUNJ
18. Пропп В.Я. Поэтика фольклора. (Собрание трудов В. Я. Проппа) / сост., предисл. и коммент. А. Н. Мартыновой. М.: Лабиринт, 1998. 352 с.
19. Семенова И.В. Песенная система фольклора Приморья: сравнительно-адаптационный аспект (на материале культуры черниговских переселенцев): автореф. дисс. ... канд. искусствоведения. Владивосток, 2006. 26 с.
20. Соколова Т.С. Жанровые варианты концепта «Пространство» в фольклорных текстах // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 24(119). С. 37–43. EDN: TELEIX
21. Тиво В.С. Вербализация образа богатырского коня: от былины к мультфильму // Вестник Череповецкого государственного университета. 2020. № 2(95). С. 117–128. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2020-2-95-9>
22. Фетисова Л.Е. Традиционный русский фольклор в культурном пространстве Северо-Востока России // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2009. № 5. С. 103–110. EDN: LATATF
23. Фольклор Дальнеречья, собранный Е.Н. Сыстеровой и Е.А. Ляховой: сб. / науч. ред. С.И. Красноштанов; вступ. ст. Л.М. Свиридовой. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1986. 286 с.
24. Яковлева Е.С. Основные символы, связанные с женскими образами в необрядовых лирических песнях Дальнего Востока // Россия в Азиатско-тихоокеанском регионе: Регион. научн.-практ. конф. молодых исследователей ВИ-ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, 28 апреля 2023 г.: сб. материалов / под общ. ред. А. Л. Лукина. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2019. С. 18–21.
25. Ян Сумэй, Лукьянчикова Н.В. Казачья литература как культурный феномен // Мир русскоговорящих стран. 2020. № 3(5). С. 122–138. <https://doi.org/10.20323/2658-7866-2020-3-5-122-138>

References

1. Agapkina T.A. Horse. *Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary*. In 5 vol. Ed. by N.I. Tolstoy. Vol. 5. Moscow, 2012. P. 590–594. (In Russ.).
2. Agapkina T.A. Young-old. *Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary*. In 5 vol. Ed. by N.I. Tolstoy. Vol. 3. Moscow, 2004. P. 282–284. (In Russ.).
3. Agapkina T.A. Dog. *Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary*. In 5 vol. Ed. by N.I. Tolstoy. Vol. 5. Moscow, 2012. P. 93–95. (In Russ.).
4. Agapkina T.A. Falcon. *Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary*. In 5 vol. Ed. by N.I. Tolstoy. Vol. 5. Moscow, 2012. P. 98. (In Russ.).
5. Agapkina T.A. Arrow. *Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary*. In 5 vol. Ed. by N.I. Tolstoy. Vol. 5. Moscow, 2012. P. 181. (In Russ.).
6. Agapkina T.A. Duck. *Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary*. In 5 vol. Ed. by N.I. Tolstoy. Vol. 5. Moscow, 2012. P. 382–383. (In Russ.).

7. Agapkina T.A. Flowers. *Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary*. In 5 vol. Ed. by N.I. Tolstoy. Vol. 5. Moscow, 2012. P. 476–480. (In Russ.).
8. Bagashev A.N., Fedorov R.Yu. Historical and Ethnographic Aspects of the Life of Belarusian Migrant Peasants in the Far East. *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*, 2014, no. 2(25), pp. 99–106. (In Russ.).
9. Borodina E.M. «Military» Songs of Siberian Cossacks: Themes, Images and Motifs. *Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts*, 2012, no. 18, pp. 73–79. (In Russ.).
10. Daineko T.V., Leonova N.V. Genres of Belarusian Calendar Songs of Siberia and the Far East. *Siberian Journal of Philology*, 2019, no. 2, pp. 27–38. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/18137083/67/3>
11. Domanskii Yu.V. Russian Rock Poetry: Problems and Ways of Studying. *Ruskaâ rok-poèziâ*, 1999, no. 2, pp. 26–38. (In Russ.).
12. Zborovskaya A.A. Reflection of Archaic Ideas about Spring in the Round Dances of the Post-Easter Songs of the Primorsky Territory. *Traditional Culture: Creativity, Behavior, Ritual: Abstracts of the International Scientific Congress "Folklore of the Peoples of Russia and the CIS Countries" (St. Petersburg, November 12–16, 2020)*. Ed. by E.I. Vozzhaeva. St. Petersburg, 2020. P. 31. (In Russ.).
13. Kozlovskii S.V. Ilya Muromets and his Time: Historiography and Perspectives for the Study of the Image of the Epic Hero. *Ancient Rus: in Time, in Personalities, in Ideas*, 2016, no. 5, pp. 177–189. (In Russ.).
14. Korol'kova I.V. Lyrical Songs in the Traditional Culture of the North-West of Russia. Moscow, The State Republican Center of Russian Folklore, 2010. 360 p. (In Russ.).
15. Krayushkina T.V. From Will and Captivity to Freedom: Traditional Representations in Russian Song Folklore of Siberia and the Russian Far East. *Russia and the Pacific*, 2019, no. 4(106), pp. 22–41. <https://doi.org/10.24411/1026-8804-2019-10052>
16. Kurguzova N.V. Archaic Oppositions of the Ritual Space of the Russian Wedding (Based on the Material of Wedding Lyrics). URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/kurguzova1.htm> (accessed: 13.02.2024). (In Russ.).
17. Lapteva E.V., Rozhkova L. On the History of the Russian Cossacks. Humanities and Social Sciences. *Bulletin of the Financial University*, 2011, no. 4, pp. 60–67. (In Russ.).
18. Propp V.YA. The Poetics of Folklore (Collection of Works by V.Y. Propp). Compl. A.N. Martynova. Moscow, Labirint, 1998. 352 p. (In Russ.).
19. Semenova I.V. The Song System of Folklore of Primorye: a Comparative and Adaptive Aspect (Based on the Material of the Culture of Chernihiv Settlers). Abstract of Thesis of PhD in Art Studies. Vladivostok, 2006. 26 p. (In Russ.).
20. Sokolova T.S. Genre Variants of the Concept "Space" in the Folklore Texts. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Humanities. Philology. Journalism. Pedagogy. Psychology*, 2011, no. 24(95), pp. 37–43. (In Russ.).
21. Tivo V.S. Verbalization of the Heroic Horse Image: From the Bylina to the Animated Film. *Cherepovets State University Bulletin*, 2020, no. 2(95), pp. 117–128. (In Russ.). <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2020-2-95-9>
22. Fetisova L.E. Russian Original Folklore Traditions in the Culture of the Northeastern Russia. *Vestnik of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences*, 2009, no. 5, pp. 103–110. (In Russ.).

23. Folklore of the Far East, Collected by E.N. Systerova and E.A. Lyakhova. Ed. by S.I. Krasnoshtanov; Introduction by L.M. Sviridova. Vladivostok, Far Eastern University Press, 1986. 286 p. (In Russ.).

24. *Yakovleva E.S.* The Main Symbols Associated with Female Images in Non-ritual Lyrical Songs of the Far East. *Russia in the Asia-Pacific Region: Regional Scientific-Practical Conference of Young Researchers of the Far Eastern Federal University, Vladivostok, April 28, 2023: Collection of Materials*. Under the general editorship of A.L. Lukin. Vladivostok, FEFU, 2019. P. 18–21. (In Russ.).

25. *Yan Sumehi, Lukiyanichikova N.V.* Cossack Literature as a Cultural Phenomenon. *World of Russian-Speaking Countries*, 2020, no. 3(5), pp. 122–138. (In Russ.).
<https://doi.org/10.20323/2658-7866-2020-3-5-122-138>

Статья поступила в редакцию / Received 28.03.2024

Одобрена после рецензирования / Revised 31.03.2024

Принята к публикации / Accepted 31.03.2024